

84/200-190-111/6
АГС ЦБ

МИХАИЛ АНОХИН

ВЕТКА МАТТЕНСАИ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во прод. выдано.

3 УМД В. 3 МЕН. 3. 72-85

84 (2 Рос = Рус - У кем) 6

AGS

2/к

115

МИХАИЛ АНОХИН.

ВЕТКА МАТТЕНСАИ.

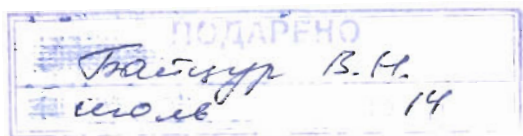
Повесть.

Приключение благородного варвара из Киммерии.

Цикл: «Заговор теней».

0543664

г. Прокопьевск.

ББК 84.7 (Рос-Рус)

Ветка маттенсаи. Ст. 67

Продолжение повести Дункана Мак-Грегора «Чужая клятва».

(Серия «Конан».)

Редактор. Людмила Козлова.

Дизайн обложки Людмила Козлова.

Варвар Конан верен клятве данной шемиту и ветка священного дерева маттенсаи, несмотря на происки сил тьмы, вернулась на свою родину в Ландхаагген.

Михаил Анохин. Ветка маттенсаи. Повесть. Самиздат

Адрес: Прокопьевск, пр. Ленина 33 кв 63.

ББК 84.7 (2Рос-Рус)

© Анохин М. П., 2014

© Самиздат. Ленина 33 кв 63, 2014

ВЕТКА МАТТЕНСАИ.

"Треск раздавался отовсюду: и сзади и спереди, и с боков, что-то как будто рвалось, тяжело с болью ...

Инстинктивно Конан напрягся, сбрасывая оцепенение и снова становясь собой; в его синих глазах отразилась лестница, потом витражи, потом распростертое тело маленького Гориллы. Рушится башня! Он понял это внезапно, еще не увидев трещин в стенах, поняв, кинулся к подземному ходу, проклиная себя за то, что не успел унести из этого проклятого места тело Иавы".

(Дункан Мак-Грегор.)

=====
Конан выбежал из черного чрева подземелья и увидел на берегу лодку, мерно покачивающуюся на волнах. Он рассмеялся, несмотря на то, что остров содрогался от подземных толчков.

Конан-победитель торжествующе погрозил мечом туда, где осыпались в пропасть стены замка Гринсвельда. Затем отвязал причальную веревку, оттолкнулся от гранитных скал и налег на весла.

Он радовался тому, что опять вышел победителем, и Кром - его суровый заступник, не может поставить ему, Конану упрек в отсутствии мужества и самое главное, в крепости данного им слова. Чужая клятва стала его, Конана, клятвой, и никто в мире не мог бы сказать, что Конан-киммериец клятвопреступник. Ветка маттенсаи, завернутая в чистую льняную тряпицу, лежала рядом с его походной

сумкой на корме лодки и была верным свидетелем данного им слова.

-Я обещал и сделал, - процедил Конан сквозь крепко сжатые зубы.

И неважно, что впереди предстояла долгая дорога, начало которой уже проложено им, пусть пока что веслом по воде.

Желтый остров постепенно таял в дымке, и вскоре последний остроконечный пик, торчащий словно палец, нацеленный в небо, утонул в море.

Конан мысленно обратился к Мангельде: «Я отомстил за тебя, девочка, и теперь, надеюсь, в Ландхааггене снова зазеленеет трава, а кровь твоих сестер наполнится жизнью». И Конану показалось, что кто-то вздохнул с облегчением, словно скинул с плеч тяжелую ношу, но, может быть, это был всего лишь порыв ветра, подтолкнувший лодку к берегу рыбацкого поселка, где только вчера его странный друг Иава сидел с Халаной и заморожено смотрел в её черные глаза.

Мысль о встрече с Халаной поумерила суровую радость Конана, он не любил, да и не умел утешать женщин, то есть, утешать он умел, но этого сорта утешения тут были бы неуместны. Он даже буркнул с досады:

- Кром! Но должен же я что-то сказать ей?

-Ладно, - успокаивал себя киммериец, - увижу, скажу что-нибудь.

Ему было неловко от сознания того, что он был обязан жизнью этому смешливому, разноглазому шемиту. Конан не любил быть кому-то должным, особенно, если дело касалось его жизни. Он греб уже пятый час без перерыва, и казалось,

что мог так работать еще столько же. Он не заметил, как приблизился к берегу, и лодка чуть ли не наполовину выскочила на песчаную отмель. Сила инерции, чуть было, не сбросила его с сидения.

Конан, бормоча проклятия всем богам, а особенно подземным, взял сумку и сверток с веткой маттенсаи, перешагнул через борт и лицом к лицу столкнулся с Халаной. Казалось, женщина стоит здесь с того самого утра вчерашнего дня, когда они уплывали к Желтому острову.

- Ты? - только и мог спросить киммериец, словно это могла быть не Халана, а какая-то другая женщина, которую он никак не ожидал встретить здесь.

Конан отвел взгляд в сторону и сказал:

- Понимаешь ли, так уж получилось....

Но Халана остановила его жестом руки:

- Не надо, я все знаю.

Конан взглянул в её лицо, освещенное заходящим солнцем, и только покачал головой. Киммериец ожидал слез и упреков, так привычных в таких ситуациях у женщин, но встретил сдержанность.

- Вот и пойми этих женщин! - пробурчал про себя Конан, но не мог не отметить, что такой оборот дела ему больше по душе, чем слезы, упреки и истерика.

Он вытащил лодку на берег, перевернул её и сел. Халана села рядом с ним. Конан подумал: «Вот точно так же сидел рядом с ней Иава, только лицо у неё было другое, счастливое лицо».

Потом засомневался: «Точно ли счастливое лицо?»

И сам себе ответил язвительно: «Эй, парень, а не

разучился ли ты понимать людей?» Конан иногда подтрунивал над собой и другими, но не мог терпеть, чтобы кто-нибудь так поступал с ним. Если находился такой безумец, то дни его бывали короче мышиноного писка.

Наконец, Халана встала и сказала Конану:

- Ты, наверное, голоден, пойдем, я покормлю тебя.

И киммериец поплелся за ней вдоль жалких рыбацких хижин, мимо развешанной для провяливания рыбы на длинных шнурах, мимо распяленных на шестах сетей.

Запах, рыбы и морских водорослей, выброшенных на берег приливом, перебивал все другие запахи, и Конану казалось, что он и сам пропах и стал свежеподвялиной рыбой.

Халана вела Конана к избушке местной колдуньи, которую поверг в обморок дерзкий поступок Конана.

Оказывается Халана жила там. Конан не стал входить в хижину, справедливо полагая, что там его могучему телу негде будет поместиться. Он сел напротив дверей на невесту откуда занесенный сюда ствол дерева крума, наполовину ушедшего в песчаную почву. Халана скрылась в хижине и через минуту вышла с блюдом, на котором лежали две большие рыбы и запеченные в масле клубни картофеля.

Больше всего обрадовал Конана вместительный кувшин, появившийся вслед деревянному блюду с рыбой. Конечно, Конан предпочел бы хорошую порцию баранины, но он привык довольствоваться тем, что ему посылает судьба. На этот раз она послала ему рыбу, ну так и что? Обитатели подводного царства бывают жирными и вкусными, как мясо дикого вепря.

Ячменное пиво было превосходным, и оно расположило сердце варвара к размышлениям о жизни и смерти - самым не любимым и, в тоже время, самым притягательным для него темам. Будь это вино, то сердце варвара захотело бы песен и еще чего-нибудь такого же жизнеутверждающего и веселого, но было пиво, а с пива у Конана всегда выходило так, если, конечно, тому способствовали обстоятельства, например такие, как нынче - победа и утрата, и чувство долга.

Халана сидела напротив Конана, по-девчоночьи поджав под себя босые ноги, все в той же белоснежной тунике, в которой она встретила Иава. Когда Конан покончил с рыбой, а она оказалась вкусной и сытной, допил остаток пива, наступил вечер, и на смену золотистому диску Митры вышла полнолицая дочь ночи - Сома. Было тепло, несмотря на то, что с моря потянул легкий ветерок - ночной бриз. Конан подумал: «Теперь бы бросить на этот песок охапку сена и хорошенько выспаться».

Халана словно прочитала его мысли, ушла в хижину и через минуту вынесла толстый матрас, набитый высушенной морской травой и подушку.

- Извини, Конан, другого ничего не имеем, - сказала Халана, бросив матрас и подушку ему на колени.

Он устроил постель рядом со старым высушенным стволом. Конану приходилось спать и на голой земле, его могучее тело могло выдержать и острые камни горных осыпей, но он ничего не сказал Халане. Она уселась на ствол дерева и, похоже, не собиралась уходить.

- Ты сказала мне, что все знаешь. Откуда? Или ты из той породы людей, которые обучены знать будущее? - спросил

Конан, посчитав невежливым вот так сразу и уснуть.

- Да, - ответила Халана. - Я жрица богини Ибис, и нас учат спускаться по нитям причин и следствий к той точке, откуда все начинается. Но на этот раз, все было проще, мне об этом сказал Иава при нашей встрече.

- Так значит, он знал! Знал, что эта мерзкая обезьяна отнимет у него жизнь! - вскричал Конан, и спать ему тут же расхотелось.

- Знал и, тем не менее, поплыл со мной? Я все время чувствовал, что он что-то знает, но не говорит мне.

- Я думаю, что он это знал с самого начала, с того момента, как встретил в таверне Мангельду. Он был жертвой подземному демону. Так было угодно богам.

- Неграл, их заведи! - прорычал киммериец. - Клянусь Кромом, такого человека и в жертву какому-то вонючему подземному демону? Кром, где же справедливость?!

- Не думаю, что эта жертва будет приятна Негралу, его ты, киммериец, частишь почему зря. Мир богов, как и мир людей, нуждается в равновесии, так гласят священные книги, которые остались после потопа.

Шемитка замолчала, и взор её, устремленный на Конана, словно видел что-то за его спиной.

Киммерийцу стало не по себе, он даже повернулся, но кроме рыбацких хижин, черными пятнами выделявшихся на фоне освященного мертвенным светом лунного диска моря, ничего не увидел. И, тем не менее, он чувствовал, что Халана что-то видит там, и даже видит как бы сквозь его могучее тело, но что можно увидеть, кроме матраса, да высушенной травы?

Но Конан чувствовал, что Халана не просто смотрит на него, а как бы сквозь него. Это было дьявольски неприятно. Конан повернулся к Халане и сказал:

- Боги, люди - все так переплетено, что у меня голова начинает болеть, когда я пытаюсь в этом разобраться. По мне так добрый меч и твердая рука лучше всего, но я бы семь раз подумал, если бы мне сказали - плыви и там найдешь свою смерть.

Халана вздрогнула от его зычного голоса, столь неуместного в этой чарующей ночи полной луны:

- Любой человек, Конан, рано или поздно уходит на Серые равнины, хочет он этого или нет, уходит, потому что рождаются дети. Таково колесо жизни. Любовь и смерть – одно.

- Ну, уж, нет! - запротестовал Конан. - Любовь -

это любовь, а смерть - это смерть, что же тут неясного!

- А ты видел смерть, киммериец? - спросила Халана, и Конан увидел, как огонек мелькнул и пропал в её глазах.

- Как тебя – нет, - честно ответил Конан.

- Когда она идет к тебе с востока, вслед за Митрой, подателем жизни - это прекрасная девушка, жаждущая любви. Когда идет с Запада, из страны мрака, то вид её костлявой старухи. Впрочем, другие народы видят её и в других обликах, и только образ любви всегда у всех народов один.

- Этого я не пойму, - упрямо сказал Конан. - И слава Крому, что человек не знает часа своей смерти, и потому всегда с ним надежда.

- Прикрывающая глаза, - тихо сказала Халана, но Конан не расслышал её слов.

- Мне кажется, - продолжал киммериец, - что излишние

знания отягощают человека, как желудок прокисшее вино. Нет, я предпочитаю не знать, а действовать.

И подумав с минуту, добавил:

- Конечно, кое-что нужно уметь, и видит Кром, я, стараясь учиться, где только можно! Я учился у воров их ремеслу в Шадизаре, и даже тогда, когда туранский вор Кимшохада подменил мне истинный, священный кинжал Гро Балан. Он подсунил мне обыкновенный клинок. Из этого позорного для меня промаха извлек урок. Но я не люблю рассуждать, когда следует действовать.

- И тебе не плохо бы было выучиться тому, что знал Иава.

- И что же это за знание? - ревниво спросил киммериец.

- Останавливать время вокруг себя, - ответила шемитка, пристально смотря в глаза Конана, и добавила:

- Мне кажется, что тебе это искусство понадобится.

- Как!? - удивился Конан. - Разве возможно смертному остановить Митру в его небесном движении?

- Отчего же, если Митра согласен чуть-чуть, на доли секунды, придержать своих огненных коней. Это союз с Митрой. Правда и то, что он за это берет плату.

- Какую плату? - спросил Конан, хотя знал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а за все в этом мире нужно платить.

- Обычную плату, немножечко твоей жизненной силы, - ответила шемитка.

- Всего-то? - удивился Конан и спросил:

- Это как в битве - усталость, да?

- Похоже киммериец, только тут несколько иное. Впрочем,

что толку рассказывать. Вопрос в том, желаешь ли ты обучиться этому искусству, или нет?

- Я бы пожелал, но вот незадача, я обязан отнести эту вещицу, - он кивнул на свою дорожную сумку, рядом с которой лежал сверток с маттенсаи, - туда, где её ждут. Я связан клятвой, а клятв своих я не нарушал. Путь туда чертовски долгий.

- Благотворное действие маттенсаи на антархов и Ландхаагген уже началось, да к тому же нести ветвь в руке, или в кожаной сумке не очень-то удобно, можно и повредить в очередной драке в какой-нибудь таверне. Конан поглядел на свой кожаный мешок и хмыкнул, представляя себя идущим с веткой в руке по городам и весям через Аргос, Аквилонию, Киммерию, Асгард, тундру...

«Да, - подумал он. - Не очень-то удобно будет, а в кожаной сумке можно запросто повредить, да и как ветке, пусть и волшебной, быть без дарующего света Митры?»

- Что же ты предлагаешь, Халана?

- Одно переходит в другое; лед не похож на воду, и я слышала, что в некоторых местах его перевозят в виде брусков и продают поштучно, говорят из того льда получают самую чистейшую и вкуснейшую воду, Вода не похожа на пар, но и лед, и пар - одно. Так и магические предметы могут изменять свою материальную форму. Ты знаешь историю происхождения этой ветви?

- Нет...

- Ветвь, а значит - было, дерево. Так? - спросила Халана.

- Похоже, что так. - согласился с очевидным Конан.

- Это древнее дерево росло еще до нашей хайборийской

эры, словом допотопное дерево, и когда боги решили обновить землю, то Некто из богов, имя которого ныне забыто, очарованной её красотой отломил ветвь и унес с собой на небо, там она понравилась Митре и он, в знак своей любви к ней сказал: «Где будет эта ветвь, там буду и я»

Вот почему у самого Полярного круга, где находится Ландхаагген было тепло, пока эта ветвь была там. Теперь Конан, поразмышляй, если есть дерево, то есть и семя, из которого оно выросло?

- Но ведь дерево маттенсаи росло до потопа, где же отыскать его семя?

- Я это говорю к тому, что одно переходит в другое, из семени мужчины зарождается плод и становится взрослым человеком, и в каждой его клетке, как гласит мудрость богини Ибис, есть полноценная часть того семени.

- Уж не хочешь ли ты сказать, Халана, что я могу, снова превратиться в семя моего отца?

- Ты - нет, но другая женщина из лоскута твоей кожи может родить тебя, Конан, и для этого вовсе не нужно пыхтеть и трудиться над её телом.

- А я не прочь, если сказать честно, заниматься пыхтением и сопением и, честное слово, нет для меня музыки слаще, чем стоны и вскрики женщины, когда я доставляю ей удовольствие.

Гордо сказал Конан и даже присел на матрасе. Такой поворот в разговоре его явно устраивал, вот если бы он не знал точно, что жрицы богини Ибис дают обет безбрачия. Он теперь понял, отчего его друг Иава не занимался с Халаной любовью, когда все так располагало к этому.

- Ты не понял меня Конан, то, что невозможно для нас, да и

для других вещей далеких от тайны богов, то возможно для таких вещей, как ветка маттенсаи. Нужно только прийти в храм Белит и совершить там обряд, обращения. Согласись, семя нести куда удобнее, чем ветвь? Сила её от этого не убудет, а антархи совершат над семенем смандангу и оно снова станет священным и магическим деревом.

- А ты меня не обманываешь Халана? - недоверчиво спросил Конан.

- Загляни в своё сердце, кеммириец и спроси его, могу ли я предать Иава и свою богиню, во имя которой я ушла из дома, полного как чаша с вином и стала жрицей? Другой бог выбрал Иава, но все боги, есть только лики Того Кто Явился Причиной Мира, кто есть Точка в которую сходятся все нити явлений. Конан, конечно ничего не понял из этого объяснения, да ему и не было нужды что-либо понимать. Он, как первобытный зверь чувствовал, и эти чувства редко обманывали его. Вот и сейчас он чувствовал, что Халана хочет ему добра, но то Халана, а вот что касается самой богини Белит, то у Конана не было доверия ни к кому, кроме Крома, да и тот не требовал от него ничего, кроме мужества и верности данному слову.

И все-таки киммериец понимал, что пронести ветвь через весь континент будет непросто, что отправленная к Негралу душа Гринсвельда найдет тысячи возможностей помешать ему.

Конан решил довериться Халане, в конце концов, освобожденная от демона ветвь маттенсаи уже оказывает благотворное действие на выживших антархов. Сейчас, главное дело, принести её в Ландхаагген, а чуть раньше или чуть позже не имеет большого значения. И

приняв решение, Конан уснул.

Проснулся от странного пения больше похожего своим ритмом и особым, ранее не слышимым киммерийцем набором звуков, на морской прибой. Вначале шли нарастающие шипящие звуки, словно волна накатывается на прибрежную галечную отмель, и на излете её вступал хор более тревожных, угрожающих звуков. Конан сел на своей постели у ствола бывшего некогда могучим деревом крум. Глазам его предстала впечатляющая картина: все рыбаки деревни, построившись в шеренгу лицом к морю, исполняли странный гимн на неведомом ему языке.

Впереди них, по колено в море стояла деревянная колдунья-старуха. Море, освященное восходящим оком всесильного Митры, было спокойным, но метрах в ста от берега зоркие глаза Конана заметили десятки, если не сотни каких-то существ, высунувшихся из воды и певших вместе с хором рыбаков.

Конан вскочил и первым делом бросил взгляд на походную кожаную сумку. Он облегченно вздохнул, сверток с маттенсаи был на месте. Чтобы убедиться, он развернул тряпицу и увидел, что из развилки, у самого основания ветви появился зеленый язычок нового побега. Маттенсаи не только освободилась ото льда, сковывавшего с момента похищения её Гориллой Грином, но и дала новый побег. Киммериец мысленно воздал хвалу Кромю и оставил ветку открытой лучам Митры. Утро не самое подходящее время для сил Мрака и Тьмы, так что опасаться было нечего.

Странный хор и еще более странные существа в море снова привлекли внимание Конана, и теперь он увидел, что позади хора рыбаков, рыбачек и их детей, стоит и Халана.

Конан застегнул свой широкий пояс с десятками приспособлений для подвешивания необходимого снаряжения, в том числе там было и место для его кожаной сумки. Надел перевязь с ножнами для своего тяжелого меча, сандалии из буйволовой кожи и направился к Халане.

Хор уже довел гимн до штормовых нот, и Конану казалось, что действительно, вот-вот налетит всесокрушающий порыв ветра и сомнет, взлохматит и вспенит стеклянную голубизну моря. Он знал что это такое, когда был предводителем шайки пиратов вместе с Белит.

Халана услышала его шаги и обернулась к Конану.

- Видишь, - она показала на море, - это морские девы-сирены они раз в год приплывают сюда, чтобы здесь исполнить свой брачный гимн, вместе с этим маленьким рыбацким народом.

- А я думал, их бог Санабо, - сказал Конан, чувствуя какое-то влечение к морским девам.

- Так оно и есть, а сирены его дочери, - подтвердила Халана.

- Много же нужно мужчин для их брачной ночи, - усмехнулся Конан. - Но сейчас утро, и я вижу, что старая карга у них здесь за главную сваху.

- Будет и ночь, Конан, и вовсе не нужно так пренебрежительно говорить о жрице бога Санабо. Зухра, когда вы поплыли к Желтому острову, приложила немало усилий, чтобы демон Гринсвельд не потопил вас еще на подступах к нему.

- Много же было у меня помощниц, - глухо проворчал Конан. - Вот только они отчего-то сплеховали, когда Горилла Грин занес свой меч надо мной, и только Иава остановил его своим телом.

- Химет, - сказала Халана и провела ритуальным жестом по своему лицу ладонью. - Воля богов.

Конан перевел разговор с этой неприятной для него темы на то, что происходило сейчас на берегу рыбацкой деревни.

- Я слышал, - сказал он, - что пение сирен опасно для человека, по крайней мере, все, кто имеет дело с океаном, говорят об этом.

- Так оно и есть, - согласилась Халана. - Они похищают мужчин для продолжения своего рода, но не жителей рыбацкой деревни.

- Почему? - спросил Конан.

- Я расскажу тебе по дороге в Шем, а сейчас, разреши мне взять кое- что в дорогу, я вижу, что ты уже готов пойти со мной?

- А я думал, что это ты - женщина пойдешь со мной.

- Не будем спорить в начале пути, Конан. Если тебе так хочется – иди впереди меня.

Они оставили поющих рыбаков и вернулись к хижине жрицы бога морей Санабо. Оказалось, что Халана уже приготовила все для дороги и пояс Конана отяготила добрая фляжка пива и мешочек сушеного порошка рыбьего мяса - хумсы.

Через час они были уже далеко от деревни, и рокот пения сирен и людей был едва слышен. Дорога петляла вдоль берега моря, то, поднимаясь на невысокие холмы покрытые деревьями, то опускаясь к самой кромке воды.

Так уж получилось что не Конан, а Халана шла на два шага впереди Конана, но с левой стороны, как и подобает, идти женщине под охраной мужчины. В одной из рощ Конан увидел подходящее деревце туе, из которого

очень просто смастерить примитивный охотничий лук. Пока он обрабатывал его добрым немидийским кинжалом, срезая плотную кору и, делая засечки для тетивы, Халана приготовила обед. В её сумке оказалось несколько рыбин, запеченных в тесте с приправой из листьев рудеса и коперса, способных и мясо старой щуки сделать сладким и нежным.

Через полчаса лук был готов и несколько стрел из стеблей злакоподобного растения - ража, нашли свое место в самодельном колчане. Конан пристроил его к своему поясу, на котором, кажется, всему могло найтись место.

В это время на полянку выбежал заяц, и стрела Конана тут же поразила его. Лук получился тугим и точным. Так что к постному столу Халаны вскоре добавилась поджаренная на огне тушка зайца, и киммериец с удовольствием принялся за трапезу. Две вещи, нет - три он делал с удовольствием, рубил мечом, когда считал себя правым, ел и занимался любовью. В этом он видел смысл жизни, хотя очень часто сама жизнь заставляла делать еще кое- что, чего он не любил, но что было необходимо или неизбежно.

Конану было всего-то двадцать лет, и был он любопытен и не опытен во многих вещах, как всякий, кто молод. Когда пища была съедена, Конан лег на спину и стал глядеть в небо, которое было видно сквозь редкий полог леса.

- Халана, - обратился он к жрице загадочного бога, - ты обещала рассказать о брачной ночи сирен.

- Видишь ли, Конан, многие боги в давние времена были

людьми, и геройские подвиги их были столь значительны, что явились причиной изменения в мире потустороннем, то есть фактически в мире подлинной реальности. Ведь известно то, что мы осязаем, видим и чувствуем всего лишь тень подлинного мира.

- Выходит я тень? - Удивился Конан, - а я-то считал напротив, когда человек умирает, то становится тенью.

- Нет, Конан, он обретает свое подлинное существование. Он становится тем, что есть, а не тем, чем он нам кажется. Так вот, когда-то Санабо был простым мореходом, снедаемым страстью к открытию новых земель и, как гласят легенды, он открыл все материки и континенты, многие из которых нынче погребены под водами потопа.

Рассказывают, что он доплыл до Южного полюса, в которой воткнута ось мира, он коснулся рукой её, когда проплывал. Это и предопределило его дальнейшую судьбу, и высшие боги решили сделать его богом моря.

Халана заметила, что Конан скептически улыбается, и сказала:

- Конечно, никто ничего толком не знает о тех допотопных временах, но в легендах дошедших до наших времен, все-таки больше правды, чем в измышлениях тех людей, которые гордо называют себя учеными. Ну ладно, я не буду рассказывать тебе эту длинную легенду о Санабо и его дочерях - сиренах, дельфинах, которую мне рассказала Зумра.

Конан понял, что речь шла о старой карге, которой он прищемил нос и которой, как уверяет Халана, обязан благополучным прибытием на Желтый остров.

«Верно, сказал мне старый аквилонский сапожник, - подумал Конан, - когда я отдал ему в починку сапоги и треснул подвернувшегося под руку воришку-подростка: «Запомни, сынок, никогда не бей детей и женщин, потому что можешь отшлепать ненароком своего сына или обидеть мать твоей будущей жены».

- Так вот, - продолжала Халана, - этой ночью все мужчины деревни рыбаков отдадут свою сперму морю и она оплодотворит дев морей. Теперь ты понимаешь, что для этих рыбаков их голос не страшен?

- Но ведь мы, я... - начал было Конан.

- Успокойся, ты, конечно, не являешься их отцом, хотя кто его знает, ведь был же ты пиратом и все могло случиться. Мужчина теряет своё семя, где попало, и никто не знает, кем и когда оно может быть подобрано.

-И эта вслед за сапожником, - подумал Конан, а Халана продолжала:

- Дело в том, что мы с тобой стояли позади хора, а вот если бы ты вышел на берег, то тебя бы повлекло к ним, и вряд ли бы нашлась такая сила, которая бы тебя могла удержать. Вот почему я увела тебя.

-И опять я обязан женщине, - горько усмехнулся, мысленно, Конан. - Ну что за напасть приключилась со мной в последнее время, то даю слово продолжить начатое дело какой-то девчонки в таверне, а вот теперь должен шемиту Иава, карге из рыбацкой деревне и вот этой, еще такой соблазнительной и аппетитной жрице таинственного бога, о котором и самые знающие люди говорят туманно.

Пора было отправляться в путь, до заката, как сказала Халана, они должны добраться до следующей

рыбацкой деревни уже на границе с Шемом и там заночевать. В этой деревне была таверна с постоянным двором. Там уже начинался торговый Шем, и из этой деревни шла дорога к тайному храму богини Ибис.

Так оно и получилось. В сумерках Конан и Халана подошли к двухэтажному строению, над дверями висела жестяная вывеска с намалеванным петухом. Таверна так и называлась - «Красный петух».

Конан и Халана вошли в зал. Несколько столиков было занято. Посетители пили и ели, а в воздухе стоял запах рыбных блюд.

- Кром, - проворчал недовольно Конан, - кончатся ли когда-нибудь постные дни? Сказано было с такой горечью и отвращением, словно и вправду постовал целый месяц, а не умял, только что в обед целого кролика.

Конан ворчал просто так, чтобы придать своему лицу суровое выражение. Он давно понял, что лучшей маской для общения с незнакомыми людьми является суровость и строгость, тем более что, несмотря на свои внушительные размеры, он был молод, и эта молодость была написана на его лице. Несколько шрамов - следы бурной и буйной жизни, в общем-то, ничего не меняли. От надбровной дуги Конана к левому виску шел белый шрам и, когда Конан щурил левый глаз, то его лицо приобретало свирепое, разбойничье выражение, как сейчас, когда он вошел в таверну. Халана, как и подобает женщине, стояла позади его.

Он оглядел зал и направился к центральному столу грубо, но прочно сколоченному из толстых досок. Появление Конана в таверне не могло быть не замеченным, посетители перестали пить и чавкать, и все

установились на великана. Конан тяжело опустился на табурет и рывкнул:

- Эй! Хозяин, долго я буду ждать, Неграл тебя заведи?

От звука его голоса задрожали язычки пламени в подвешенных вдоль стен светильниках, в которых, по мысли Конана сгорал рыбий жир. Если бы не открытые настежь окна, то в зале нечем было бы дышать. Впрочем, киммериец бывал и в худших тавернах, а это была не столь уж плоха.

Хозяин - шемит с кудрявой черной бородой острым клином спускавшейся к груди, вышел из-за стойки и недовольным голосом сказал:

- Ты чего орешь, словно заблудился в лесу?

Содержать таверну в таких местах мог только человек не робкого десятка, и шемит, видимо, повидал на своем веку немало разных горлопанов.

- Я ору, чтобы прочистить твой слух, а если это не поможет, то... - Конан показал шемиту свой огромный кулак, и он действительно произвел на хозяина должное впечатление. Конан рывкнул:

- Вина и мяса, да не какой-нибудь дряни, Неграл тебя заведи, а вина доброго.

Шемит согнулся в полупоклоне и все же твердо прошипел сквозь бороду:

- Витязь имеет, чем заплатить?

- Имею! - Конан свирепо посмотрел на него. -

А если будешь много разговаривать, то клянусь Кромом, я расплачусь так, что путь до Серых долин окажется очень коротким.

Конан оглядел таверну, словно коршун двор крестьянина, нет

ли кого, кто сомневался бы в сказанном, но посетители уже давно уткнулись в свои миски и тарелки, и вовсе не желали встретиться взглядом с этим варваром.

Однако шемит все еще не двигался с места и продолжал смотреть вопросительно на Конана, видимо, желая узреть материальное подтверждение его словам об оплате. Конан глухо заворчал, и в это мгновение, не сулящее ничего хорошего хозяину, на запястье Конана опустилась твердая ладонь Халаны:

- Спокойно, Конан, хозяин требует положенного.

Халана протянула хозяину таверны мелкую золотую монету. Конан рыкнул, словно встревоженный лев, он не мог позволить себе, чтобы его кормила на свои деньги женщина, но шемит проворно схватил золотой и, низко кланяясь, отскочил от стола, так что кулак Конана ударил в столешницу, и доброе дерево загудело, возмущенное таким отношением к себе.

Шемит прокричал от стойки:

- Все самое лучшее, что ни на есть, госпожа!

Хозяин таверны, явно, не обращал внимания на Конана. Давно известны природная жадность шемитов и их тяга к золоту, и это обстоятельство развеселила Конана. Он расхохотался:

- Каналья! Ты легче поступился бы своим черепом, чем золотом этой женщины.

Шемит не обманул ожидания Конана: вино и жаркое были превосходного качества, и варвар впал, как всегда после доброго обеда, в благодушное состояние.

Шемит отвел им лучшие комнаты на втором этаже, и Конан едва дотянул до кровати. Вино действительно было

крепким.

Он уснул, не закрывая распахнутого окна, и в этом была его ошибка, иначе бы услышал, как по приставной лестнице в его номер поднимается человек в черном трико и черной маске с прорезьями для глаз. И действительно, странно было бы, чтобы в поселке, где есть таверна с постоянным двором, не было бы воров? Воровство, а это знал Конан хорошо, такая же профессия, как и любая другая. Однако Конан не желал бы, чтобы его обворовали пусть из самых благородных побуждений, так что, принимая воровство не только как данность мира, но и как необходимость перераспределения богатства от одних к другим, он не согласился бы периодически подвергаться этому «законному» беззаконию. Конан спал и во сне ему снились хорошие сны, Он видел Карелу и Белит, и обе лежали в самых соблазнительных позах. Карела сказала ему:

- Ну что же ты, медлишь? Иди ко мне.

Настолько ярким был сон, и так горька была память о потере возлюбленной, что киммериец застонал и проснулся. Воришка уже перенес через подоконник вторую ногу, когда понял, что тихого ограбления не получится. Он черной пантерой кинулся на Конана. В лунном свете блеснул кинжал, но этот удар не застал киммерийца врасплох. Мощные пальцы варвара поймали запястье, и грабитель взвыл, осел у кровати.

- Плохо, - сказал, усмехаясь Конан, - плохо тебя учили ремеслу, а я всегда думал, что шемиты отличные воры.

- Я не шемит, - простонал с пола человек в черном трико.

- И я не допустил ошибки. Тебе помогли духи-хранители.

- А кто же ты, не удавшийся воришка? - ехидно спросил Конан.

- Я гирканец из рода Керлайт, - и хотя положение его было незавидное, в голосе явственно звучали нотки гордости за свой род.

- Я знал одного неплохого парня из этого рода, его звали его Саботай, - сказал Конан, продолжая удерживать вора.

- Он мой отец, - простонал вор, и по голосу Конан понял, что это еще мальчишка, но более того, Конана удивило, что у его друга, с которым они проделали в Шадизаре немало дел под покровом ночи, может быть сын.

И опять, ему припомнились слова сапожника из Аквилона, и Конану пришла в голову мысль, что и он, возможно, уже отец, и где-то в пыли таверны возится его сын. Мысль показалась ему настолько смешной, что он расхохотался, и на мгновение ослабил хватку пальцев на плече вора. Тот воспользовался этим, вскочил с пола и ласточкой выпорхнул из окна. Конан подбежал к окну. Но услышал только глухое шлепанье голых подошв по земле. И снова он вспомнил слова своего учителя воровскому ремеслу, Саботая:

- Чтобы быть хорошим вором, нужно уметь бегать.

- Если это его сын, то науку убегать он хорошо усвоил, - проворчал Конан и отошел от окна, крепко прикрыв его. Укладываясь в постель, он четко и ясно вспомнил свой сон:

- Отец мой, Кром, - благоговейно прошептал Конан. - Так это Белит и Карела разбудили меня, когда этот вор и сын вора собирался очистить мою сумку? Ведь этот парень мог украсть и ветку маттенсаи?

В голове все просветлело и очистилось от этой пугающей мысли.

Конан подумал: «Жаль, я не расспросил его, кто навел на меня? Это только глупый воришка рискует жизнью, не зная за что, а если, действительно, его отец Саботай, то уж этим азам он его научил. Нет, видимо, Гринсвелд и его приспешники не оставили своих попыток завладеть веткой маттенсаи, и зря я так расслабился. Зря»...

Было самое раннее утро, когда Конан вышел в коридор, тщательно заперев за собой дверь в номер, и направился в туалет.

Туалет, как и полагалось в таких местах, находился во дворе таверны и представлял собой не хитрое дощатое строение, разделенное на две половины для мужчин и женщин. Централизованная канализация была непозволительной роскошью для рыбацких деревень, и каждый решал такие вопросы самостоятельно. Потому-то по обочинам улиц тянулись зловонные канавы, и все нечистоты стекали в море. Особенно чистыми становились такие поселения после ливневых дождей, а в сухое время года являли из себя рассадники различных болезней.

В крупных городах забота о чистоте улиц и отхожих мест была возложена на начальников тюрем, и на специальные отряды рабов. Вот и сейчас Конан не очень удивился, когда увидел рядом с известным строением телегу с огромной бочкой и человека с черпаком на длинном шесте. Их время работы - ночь и раннее утро так же как у воров. Эта мысль показалась Конану интересной и, справив нужду, он подошел к человеку весьма непривлекательной наружности, а уж о

запахе и говорить нечего было, но Конан видывал и худшее в своей жизни, и оттого не был брезглив.

- Эй, ты, говновоз! - обратился он к человеку, лицо которого было скрыто маской с прорезьями для глаз. - Не видел ли ты улепетывающего юнца по этим жалким улицам? Из-под маски донеслось бульканье и хрюканье, а потом послышалось:

- Достойный господин у меня только два глаза и оба смотрят в то, что люди оставляют мне после доброго обеда, если бы у господина был хотя бы медный пятак, то, возможно, бы мои глаза что-нибудь и заметили.

- Хорошо, каналья, - сказал Конан. - Но стоит ли то, что увидели бы твои глаза, медного пятака? Может быть, они ничего не увидели, кроме моего говна?

Такая витиеватая фраза, далась ему с трудом, и киммериец решил освежить память говновоза угрозой:

- Обычно мне говорят то, что я спрашиваю, не требуя платы. Ты же не хочешь, чтобы я затолкал тебя в говно по уши?

- Нет, господин, я этого не хочу, да и ты ведь от этого ничего не получишь, а медный пятак для такого витязя сущий пустяк?

- Хорошо, будет тебе медный пятак, а пока ты напряги свою память, чтобы не разочаровал меня тем, что скажешь.

- Я приду к господину под окно, в которое залез узкоглазый Кучлуг, сын Саботая, и тогда, господин сам поймет, стоят ли мои слова медного пятака.

- Хорошо, я тебя жду, - Конан направился к таверне.

В зале, через который он проходил, было пусто и сумрачно, только из кухни слышались звуки сдвигаемый

кастрюль и работа ножей.

Он уже поднимался по лестнице, когда услышал голос Халаны и шепелявый мужской голос. Конан скользнул под лестницу, но как ни напрягал слух, разобраться, о чем шла речь, он не смог. Через минуту по лестнице затопали сапоги, и кто-то грузно сопел. Как только мужчина спустился в зал, Конан сгреб его и, зажав рот ладонью, затянул под лестничный пролет.

Он прошипел мужчине на ухо:

- Пикнешь, сверну голову набок, как петуху.

Сила его могучих рук говорила бедняге красноречивее всех слов, и он попытался кивнуть Конану в знак согласия. Варвар ослабил хватку и чуть приоткрыл ему рот. Спросил:

- Кто ты, и что здесь делал?

- Я ростовщик, - тонким голосом, как ягненок проблеял незнакомец. - Имя моё известно и здесь, и за пределами этого вонючего поселка.

Это был шемит, а то, что это был шемит - Конан понял еще тогда, когда сгреб незадачливого посетителя: жесткая борода клином и особым способом отращенные, расчесанные и завитые волосы на голове, свидетельствовали лучше любых слов.

- Я принес госпоже денег.

И тут же, испугавшись сказанного, заговорил быстро и сбивчиво.

- Только нельзя её грабить, честнейший и благороднейший из воров, она жрица богини Ибис и к тому же дочь самого повелителя Эблиса из Гхаза.

Конан от удивления чуть не присвистнул и отпустил

ростовщика. Тот отряхнулся и попытался принять достойный вид, а заодно пугнуть варвара:

- Страхись гнева её богини и мести сильного владыки города Гхаза, - сказал ростовщик, истолковав действия Конана как испуг, и покровительственно добавил:

- Если отпустишь меня, то я, может быть, замолвлю за тебя словечко перед госпожой. Но Конан ткнул пальцем под ребро ростовщика, чтобы тот не забывался.

- О, о, а, а,! У, у., у! - простонал шемит.

- Ты, денежный мешок, запомни, что Конан-киммериец не боится богов и тем более какого-то зачуханого правителя городка.

И тут вспомнил, что во дворе его ожидает говновоз, которому он пообещал медный пятак. Конан запустил свою руку в карман ростовщика и все, что нащупали его пальцы в кармане, оказалось зажатым в его кулаке.

Потом Конан развернул толстяка лицом к выходу и легонько поддал коленом под зад. Бедный служитель Момоны, часто перебирая ногами, чтобы не растянуться на полу, вылетел в открытую настежь дверь, на улицу.

Конан поднялся по лестнице на второй этаж и вошел в свою комнату. Из-под двери Халаны пробивалась тусклая полоска света от зажженного светильника.

-Ну, что же, - подумал Конан. - Пусть будет так: у неё свои тайны у меня – свои.

Он разжал кулак и высыпал содержимое на стол. Блеснули две золотые монеты, несколько мелких серебряных и два десятка медных.

Под окном раздался осторожный свист, Конан выглянул

во двор. Лестница, приставленная к стене, была на месте. Свистел ему ассенизатор. Киммериец сделал рукой приглашающей жест, давая понять, что тот может воспользоваться тем же путем, что и ночной воришка, но мужчина в маске отрицательно покачал головой. Конан поглядел на стол и взял несколько медных монет, затем по привычке, застегнул перевязь с мечом, перекинув её через плечо и спустился во двор:

- Я слушаю, что видели твои глаза, говновоз?

- Но больше, господин мой, слышали мои уши.

- Ты бестия, хочешь, чтобы я отдельно заплатил за уши и глаза, а потом и за язык, которым ты работаешь ничуть не хуже чем черпаком?

- Я, благородный витязь, не был рожден рабом, и мое тело когда-то знало благовонные мази из страны Куш, и язык мой мог петь сладостные песни.

- До песен я не охотник, - сказал Конан.

- Вот тебе две монеты для глаз и ушей, а если рассказ твой мне понравится, то я добавлю еще одну для твоего красноречивого языка.

- О, благородный витязь! Щедрость подстать твоей силе и мужественному виду, да благословит все твои члены всевидящая Иштар. Поселок наш пограничный, и потому в нем переплетены интересы многих сильных мира сего. Он видом неказист, но есть в нём одно место, откуда тянутся нити по всему свету.

- И что это за место? - Конан присел на перевернутую бочку.

По идущему из неё запаху он определил, что она только что была бочкой с квашеной капустой.

- Место это, благородный воин, называется храмом бога Бела, да пройдет тебя стороной его внимание.

- Как тебя звать, смотритель выгребных ям? - спросил Конан.

- Настоящее имя мое Энарос, - ответил тот.

- Так ты, немедиец? - удивился Конан, поскольку редко можно было встретить немидийского раба так далеко на юге Аквилона.

- Да, я жил когда-то... Нет, я пел когда-то в Бельверусе, а как я пел! - немедиец тихим, но довольно приятным голосом запел на своем родном языке, который неплохо знал Конан.

-Что смотрите? / Загара не скрываю./ Я солнца дочь/ и им обожжена./ Все тело, как певучая струна / Люби его/ И я в любви истаю.

Конан благосклонно выслушал его пение и заметил тоном знатока:

- Эта песня подошла бы черной наложнице из страны Зимбабве, а не немидийцу.

- О, благородный витязь, не лишенный божественного чувства прекрасного слога, ты верно сказал. Потому верно, что она была написана для черной газели, которая была само совершенство. История её тронула бы самое жестокое сердце, но чтобы не докучать тебе, благородный воин, такими мелочами, скажу только - моя любовь к ней стала причиной моего столь унижительного положения.

- Ну ладно, говорун, давай ближе к делу, пока твои слова не стоят и пыли с полученных тобой монет.

- Да, да! Ты прав благородный юноша. Хоть ты и могуч телом как земной бог - вижу твою молодость. Так вот, храм

этот есть ничто иное, как притон воров и сдается мне, что этот притон самый главный на Аквилоне.

Еще вчера я опорожнял его емкости от фекалий и слышал, ибо слух мой подобен слуху полевой мыши, как некий господин, скрывавший свое лицо под ужасной маской богини Кали, да будет ведомо тебе, что такая богиня весьма почитаема в восточных странах, предложил большие деньги за то, чтобы у тебя выкрали нечто, особо ценимое тобой.

- Ну, это не так уж и много, чтобы я заплатил еще и твоему языку, - сказал Конан, собираясь уйти.

- Погоди, добрый господин это еще не все, что слышали мои уши. Тот господин в маске замыслил напасть на тебя, и им ведомо, что с тобой идет жрица богини Ибис. Они даже знают, что вы направляетесь на Север к горам Шема.

- Похоже, тот в маске знает больше, чем знаю даже я. Чего там мне делать?

Этот вопрос не был адресован немидийцу, но он на него ответил.

- Господин разве не знает, что на Север от столицы Шема - Асталума, у самого подножия гор расположен единственный храм богини Ибис?

- Что я знаю, то мне судить, - гордо сказал Конан, уязвленный тем, что его упрекнули в том, что он чего-то не знает такого, что известно всем.

- Конечно, конечно! Гордый воин, но только человек в маске не успокоится до тех пор, пока не добьется своего.

- Ну, это мы еще посмотрим! - и Конан, коснулся рукой рукоятки меча, словно удостовераясь, что тот на месте и всегда готов к бою.

- Я хочу сказать, овитязь, что это не простой

человек, когда он вышел из храма Бела, то мои глаза видели, как он превратился в клуб черного дыма и не поднялся в воздух, как это обычно бывает с дымом, а как бы ввинтился в землю. Не мне давать советы такому могучему богатырю, как ты, но мне кажется, он посланник Духов Тьмы, если не сам их Черный Князь.

- Хорошо болтун, твой язык заработал еще одну монету, - Конан протянул ему медный кружок с изображением морды быка. Такие деньги чеканились в шемитском городке Нипр. Человек в маске взял деньги и удалился, через некоторое время послышался скрип телеги.

Конан только успел подойти к лестнице с намерением подняться в свой номер, как в окне мелькнуло чье-то лицо, и лестницу оттолкнули. Конан поймал её и направил обратно к стене.

Лестница не успела еще достигнуть стены, а Конан уже был на середине её. Меч Конана был готов разить и сокрушать. Варвар, словно пантера, влетел в окно, и первый взгляд его был на стол, где лежал сверток с маттенсаи, его не было на месте. Вторым, он ухватил спину удаляющегося вора, наполовину прикрывшего дверь в его номер.

Прыжок и удар меча между лопаток похитителя был молниеносен, но меч прошел сквозь пустоту и Конан, по инерции, вылетел в коридор. Больно ударился о противоположную стену плечом. В коридоре было пусто.

Конан зарычал так, что содрогнулись стены, и бросился к лестничной клетке, но и она была пуста. Сверток с маттенсаи пропал. Конан метался из коридора в комнату и обратно. Ему стало ясно, для чего этот говновоз заставил его спуститься во двор. Так грубо и

пошло его давно никто не обдуривал.

Поднятый им шум всполошил всю таверну, но никто, в том числе и хозяин, не пытался попасть ему на глаза. Наконец, Конан успокоился и тут вспомнил о Халане.

В бешенстве промелькнула мысль: «Может, она заманила его в ловушку?»

Между тем он нашел Халану ни где-нибудь, а в своей же комнате. Она сидела за столом, а на столе освобожденная от покрова лежала зеленая ветка маттенсаи.

Конан был настолько поражен этой картиной, что застыл с обнаженным мечом в руке посреди комнаты, лишившись дара речи.

Халана повернулась к нему свое смуглое лицо с огромными, черными глазами и сказала: - Ты должен меня понять, Конан.

- Понять? - переспросил киммериец. - Что я должен понять?

- У Гринсвельда есть сильный защитник. Князь Мрака заинтересован в том, чтобы эта священная реликвия антархов осталась в их руках. Утром я видела Асвельна, как это бывает обычно в полудремоте, и он сказал мне, чтобы я забрала из твоей комнаты сверток к себе. Больше он ничего мне не сказал. Я постучалась рано утром в твою дверь, она оказалась открытой, а тебя не было. Вот, собственно, и всё.

Конан спрятал меч в ножны и тяжело сел на стул, а потом чистосердечно рассказал Халане все, что уже знает читатель.

Весь день Халана занималась покупкой экипажа для путешествия к храму богини Ибис и под

вечер купила мула, и двухколесную повозку - уменьшенная копия боевой колесницы войска города-государства Шан-э-Сорх, Конан же восседал на добром жеребце. Оказывается, за деньги можно было купить что угодно даже в зачуханом рыбацком поселке, если он расположен на границе двух государств.

Следующая ночь, не принесла никаких сюрпризов, то ли оттого, что местная воровская гильдия решила не рисковать, то ли потому, что Халана приняла свои меры, связанные с её тайными знаниями.

Конан плотно поужинал бараниной с бобовым соусом и булкой ржаного хлеба, но на этот раз ограничился только одним кувшином вина.

Утро застало их на дороге, ведущей к Северу. На выезде из рыбацкой деревни Конан увидел лавку, и на отнятые у ростовщика деньги купил боевой и охотничий луки, а так же по дюжине отменных стрел к обоим.

Ветка маттенсаи перекочевала в повозку Халаны. Жрица ловко управлялась с вожжами, и мул, по ровной дороге, не отставал от вороного коня Конана. К повозке были приторочены сумки с продуктами. Халана объяснила, что до самого храма в течение четырех дней и ночей пути не будет ни одного поселения.

Око Митры скатилось к Западу, и легкий сумрак упал на лесистые холмы, вдоль которых тянулась грунтовая дорога, то, ныряя под лесной полог, то, поднимаясь на поляны холмов и с их высоты казалось, что горы рядом, но Конан знал как обманчиво зрение.

Они уже готовились выбрать место для ночлега и надеялись остановиться на вершине холма, как в повозку Халаны

ударил первую стрелу.

Вторую, летящую в Конана стрелу, он отбил, мечом, и бросил коня в ту сторону, откуда летели стрелы. Засада была устроена по ходу их движения. Мелкий кустарник был смят конем, и в пятидесяти метрах Конана встретил еще один залп стрел.

Веерное вращение мечом и убийственный полет стрел был остановлен вращающейся и все перемалывающей сталью. Нападавшие кинулись врассыпную, но Конан настигал каждого и убивал без пощады.

Только один, бородатый, видимо бывший воин оказал ему сопротивление, отчаянно защищаясь таким же, как у Конана обоюдоострым мечом, но и он был отправлен на Серые Равнины. Этот бой взбодрил Конана пуще любого вина, и он возблагодарил Крома за то, что он предоставил ему возможность проявить свою доблесть в честном бою. Халана подъехала к нему, когда все было кончено, а Конан вытирал свой меч о полу убитого бородача. Он глянул на Халану и сказал:

- Кром! Если у слуг Тьмы такие воины, то нам нечего опасаться, Халана.

Она внимательно поглядела на убитого и с сомнением покачала головой:

- Не думаю, что силы Тьмы ограничатся только живыми людьми, но хвала Ибис, да не оставит она меня своим покровительством.

Халана провела ритуальным жестом по лицу,

- Мы найдем, что противопоставить им, Конан.

Они выбрали лужайку почти на вершине холма метрах в

пятидесяти от дороги, и Халана приказала Конану сесть в центре поляны, а сама, бормоча заклятия, пошла по кругу. Конан с усмешкой смотрел на её колдовство, больше надеясь на свой меч.

-Если Крому угодно, то он наделит его силой и способностью поражать исчадия Тьмы и Мрака, как это уже было в других местах, - подумал Конан. - А если нет, то, что ж, такова его воля.

Халана совершив свой ритуал, подошла к Конану и сказала:

- Коня и мула отпусти, их не тронет злая сила, и я так сделала, что они сами прейдут под утро.

И добавила:

- Им нужно поесть и попить, а в низу холма есть сочная трава и вода

Конан нарвал несколько охапок травы для постели, сухих веток для костра, и через час они уже ели. Запаренная в кипятке рыба мука, или по шемитски - хумса, оказалась чрезвычайно питательна и вкусная. Халана добавила в неё соль и порошок каких-то специй. Конечно, Конан предпочел бы слегка прожаренное мясо оленины или кабана, но он не был привередлив, однако дал себе зарок повнимательнее смотреть по сторонам во время путешествия.

Он уснул, как всегда, мгновенно – едва вытянулся в полный рост на свежесорванной охапке травы, но проснулся оттого, что чьи-то руки коснулись его губ:

- Лежи и молчи, чтобы тебе ни показалось, и кто бы, тебя ни звал.

Голос явно принадлежал Халане, но её он не видел, хотя

Конану казалось, что он смотрит во все глаза. И тут же он услышал голос Карелы:

- Конан! Конан! Помоги мне!

Этого он не ожидал. Все что угодно, но когда к нему за помощью обращается Карела?! И следом послышался голос Белит:

- Конан! На нас нападают, что же ты! Конан!

И он явственно расслышал звуки ударов мечей и тяжелое дыхание сражающихся.

Повинуясь инстинкту, Конан вскочил с постели и бросился на звук боя, выставив вперед меч, но тут же упал. Он снова вскочил на ноги и, рыча, стал искать того, кто поверг его на землю и увидел - это была Халана. Она стояла перед ним и странно раскачивалась, словно её тело все сплошь состояло из прозрачной ткани, колеблемой ветром.

- Ты! - рывкнул Конан.

- Прочь с дороги!

Он попытался рукой отстранить Халану, но на первом же шагу снова упал, упал и вскочил, чтобы пантерой броситься на неё. Он уже не слышал зова Карелы и Белит, перед глазами стоял новый противник, бывший некогда другом.

Он прыгнул на Халану нацелив руки на её горло, и снова упал на землю, и так повторялось несколько раз, а каждое падение оставляло на его теле синяки и ссадины, поскольку бросался он всей своей мощью. Потом наступило то, что бывало с ним во многих сражениях, ясное видение и понимание ситуации. Он вспомнил уроки Улдина, наставника гладиаторов у герканского князька Торгула, и стал расчетливо подбираться к Халане, надеясь отвлекающим маневром ввести её в заблуждение.

Он начал думать, и первой его мыслью было то, почему он никак не может поймать Халану. Она все время, как вода ускользала от него, но нечто все время подсекало его ноги и это, явно водой не было. И тут он явственно услышал голос, и то был голос Халаны:

- Хватит, хватит Конан! У меня уже кончаются силы тебя сдерживать, вспомни о Гринсвельде и убитой им Мангельде, вспомни о данном тобой слове. Очнись Конан!

Конан вспомнил всё.

Голоса Карелы и Белит исчезли как и шум боя. Силы разом покинули Конана, и он устало опустился на землю, хотя мысль о неуязвимости Халаны продолжала терзать его. Он могучий воин и не смог ничего сделать с женщиной? И тут же, словно кипятком кто-то обварил:

- Великий Кром! Что это на меня нашло? Ведь я мог её убить!

И тут же вспомнил шепот Халаны, чтобы он ничему не верил.

- Проклятие! - вслух рыкнул Конан.

- Это все проделки Гринсвельда, чтоб его Неграл сожрал!

- Ну, слава Ибис, - устало сказала Халана.

- Еще немного, и ты уничтожил бы меня, Конан. Я из последних сил сдерживала тебя. И добавила:

- Ведь я специально не обучалась искусству замедлять время.

- Что? Что? - переспросил её Конан.

- Тому, чему я хотела бы, чтобы ты обучился в храме Ибис, но думаю, что этому ты не научишься.

- Отчего же? - с вызовом спросил Конан. - Если женщина может, то почему я не могу?

- В тебе нет страха, потому и не сможешь.

Конан гордо кивнул головой:

- Ты права, хвала Крому, страха во мне нет, но я в ум не возьму, отчего это нужно иметь страх, чтобы обучиться такому, я уже понял, великолепному искусству?

- Время останавливает мощный импульс страха, - пояснила Халана, - страха за себя, или за кого-то другого. Искусство заключается в умении, в любое время концентрированно выбросить энергию страха в пространство, а для этого его нужно иметь в себе.

Конан вспомнил Иава и стычку с ним, когда раздосадованный притворством шемита Конан хотел его проучить, но тот ловко увертывался от него, пока бросок Конана на Иава не привел к тому, что вместо пуза разноглазого насмешника, лоб Конана встретил ствол дерева.

- Иава владел этим искусством, - уверено сказал Конан и добавил:

- И, тем не менее, оно ему не помогло там, в зале замка Гориллы Грина.

- Химет, - откликнулась Халана, не скрывая глубокой печали в голосе.

- Ты второй раз повторяешь это слово, что оно значит? Ты не реवेशь, не рवेशь волосы на

себе, как все другие женщины, отчего?

- Химет - это значит Судьба, но еще значит: «На то воля богов» и еще многое другое, - пояснила Халана, собирая завтрак.

Конан замолчал, к тому же, возле поляны послышался шум и ржание его жеребца, следом появился мул Халаны.

Позавтракали они быстро, не разводя

костра,. Халана была вялой и, глядя на неё, Конан испытывал непривычное для него чувство стыда.

О ночном бое с Халаной напоминали избитые колени и локти, на которые все время Конан падал.

Они тронулись в дорогу, едва диск Мирты показался над горизонтом. Халана дремала в коляске, а Конан ехал поодаль шагом и все никак не мог взять в толк связь между страхом и течением времени. День прошел без происшествий, если не считать короткую остановку. Конан подстрелил козулю, и нужно было время, чтобы освеживать её и завернуть мясо в лоскут чистой материи.

Остановились опять на одном из холмов. Конан развел костер и насадил мясо козули на толстые деревянные шампуры. Халана хотя и отдохнула, но все еще не пришла в себя от стычки с Конаном. Она все так же обошла кругом поляну, бормоча заклятия. Когда она села возле костра, Конан буркнул:

- Это твое искусство останавливать время помимо того, что требует от воина такого позорного качества, как страха, еще и выматывает почище многочасового сражения на мечах.

- Я же тебе говорила, что не училась этому специально. Откровенно говоря, я это попробовала первый раз в жизни. Испугалась, вот и вышло, а в остальном, ты прав за исключением того, что хороший воин не знает страха.

- Я не знаю страха.

Конан гордо поглядел на Халану, ведь он еще по сути дела был мальчишка, и ему нужно было самоутвердиться.

- Ты - возможно, а возможно, и нет. Кто знает, может быть, когда-нибудь в жизни тебе еще придется испугаться, ну не за себя... - Халана замахала руками, увидев, как гневом

наливается лицо Конана, - а за другого, который дорог тебе.

Конан обдумал эту мысль и ответил:

- Нет, я тогда буду действовать, а не дрожать от страха, как обезьянка при виде удава.

Халана не стала с ним спорить, к тому же поспело мясо, и рот Конана был занят приятной работой не то, что переворачивать во рту камни слов. Ложась спать, Конан буркнул Халане:

- Если я опять начну чудить ночью, то тресни меня по башке вон той дубинкой. К утру очухаюсь

Но на этот раз Тьма мучила его снами. Вначале он увидел отца и себя. Он точно знал - это отец и он. Скалистая вершина, лишенная даже покрывала снега, и оттого промерзшая до самых своих глубин и на ней, над обрывом под резкими порывами ветра стоит бородатый мужчина и кричит:

- Запомни, Конан! Огонь и ветер родились в лоне небес, они дети небесных богов и самый могущественный из них - Кром. Огонь и ветер – вот что из простого железа делает булат, а из человека воина.

Потом он увидел ту самую битву, в которой пали все его родичи, но и это было не все, темные силы вели его по всем кругам «Колеса страданий», а под конец Конан увидел распятых на кресте мать и отца. Отец шептал ему:

- Воды, дай воды, сын мой.

А мать умоляла Конана снять её с креста. И Конан видел себя, стоящего поодаль, и будто бы это он - тот, стоящий рядом Конан, и приказал каким-то существам в черных звериных шкурах распять отца и мать.

- Жестокосердный, - упрекала его мать с креста распятия.

- Разве не я кормила тебя своей грудью, не баюкала на своих коленях? Что ты сделал со мной, с отцом?

А сердце Конана, спящего на поляне по дороге к горам Шема, обливалось кровью, и он стонал так, как не стонал тогда, когда привязанный к колесу жернова получал удары бича. И вдруг, мать сказала:

- Сынок, зачем тебе маттенсаи? Выброси её, убей эту женщину-колдунью Халану, которая завладела твоим сердцем, и избавишь нас от мук?

Какая-то несонная половина Конана насторожилось при этих словах, и образ, стоящего у крестов Конана, задрожал, расплылся.

Киммериец увидел себя как бы посторонним взглядом. Он еще был там, у крестов распятий, и будто бы повернулся, чтобы получше разглядеть самого себя в этом плывущем образе.

Он повернул голову - на Конана смотрел никто иной, как Гринсвельд. Его обезьянья морда кривилась в усмешке и строила Конану гримасы.

Потом тело Конана-Гринсвельда стало меняться, и вот перед распятыми на крестах матерью и отцом запрыгала огромная обезьяна, вырывая из тел распятых кровавые куски мяса и тут же пожирая их.

Не спящая часть Конана твердила ему:

- Это сон, всего лишь сон, и нужно проснуться, и все исчезнет.

И та, погруженная в кошмарный сон, часть его сознания, так же говорила ему:

- Проснись, убей Халану и выбрось маттенсаи.

Конан, разрываемый сном, проснулся, сел и очумело

посмотрел вокруг.

Звездное небо, едва видимая в ночном свете черная стена кустарника, повозка и рядом с ней спящая Халана. Конан встал, нашарил рукой кинжал и, крадучись, пошел к Халане.

Он действовал так, как действует лунатик, опьяненный напитком Сомы, то есть Конан спал. И вдруг в этот сон ворвалось яркое свечение, оно скрыло из вида поляну и спящую на ней Халану.

Из этого ослепительного света сформировалась фигура бородатого великана, в островерхом шлеме, с огромным топором у высоких, по колено, кожаных сапог. И в ушах Конана пророкотал громовой голос:

- Остановись!

И Конан остановился, поскольку этот голос и этот облик он узнал бы в любом сне. То был сам Кром. Конан рухнул на свою подстилку из травы и уснул настоящим сном. Утром с удивлением заметил, что у него что-то болит там, где бьется сердце. Он даже потрогал грудку мышц, прикрывающую в этом месте ребра, но не обнаружил никаких повреждений. Кошмарного сна он не помнил, как не помнил видение Крома, а эта боль к обеду уже прошла, а к вечеру показались каменные стены храма богини Ибис. Но вначале Конан увидел ряд огромных колонн, которые, казалось, выросли из гранита подножия отвесной стены и уходили в такой же гранит метрах в тридцати от основания. Если посмотреть выше колонн, то взору предстала бы изломанная твердь все того же камня, а еще выше, редкие пучки трав и кустарника, а если задрать голову к поднебесью, то можно было увидеть, что скальный массив,

в котором вырублен храм, покрыт хвойным лесом, и этот каменный массив выгнутой подковой уходит за горизонт на Запад и Восток.

Конан давно заметил, что дорога медленно поднималась, не так как когда-то на крутые холмы, тут был общий подъем поверхности, и лес расступался, редел, пока совершенно не исчез. За несколько верст до храма была только голая, усыпанная щебенкой земля с редкими, странной формы белыми пятнами.

Вскоре Конан открыл для себя природу этих белых пятен, ими оказались скелеты коней и людей. Чем ближе подъезжали они к храму, тем больше встречалось этих свидетелей бренности человеческой жизни.

Перехватив недоуменный взгляд Конана, Халана сказала:

- Многие отчего-то считают, что храм набит сокровищами; золотом и драгоценными камнями. Вот и собираются ватаги отчаянных и хищных искателей золота.

Сюда приходили даже армии, и мы оставили кости их, чтобы напомнить об участи тех, кто домогается того, чем не владел и не будет владеть никогда. Глупцы, если бы они знали, что истинным сокровищем нашей богини является знание, то вряд ли их влекло сюда, как железные опилки влечет магнит. Люди не верят, когда им говорят правду, и охотно верят в самую наглую ложь. А мы говорим им, что у нас нет золота и драгоценных камней, прежде чем наши женщины-войны уничтожают их.

- У вас есть женщины-войны? - удивленно спросил Конан, хотя сам по своему опыту знал несколько отчаянных рубак в юбках. Белит и особенно Карела были из таких.

- Не много, всего-то лишь три сотни. Собственно, это

необходимая охрана.

- Как! - воскликнул Конан. - И они останавливают целую армию?

Халана смешливо поглядела на Конана, и тот понял её взгляд:

- Ты забыл ту ночь Конан, а я ведь не воин?

Конечно, Конан не забыл, как бросался на Халану, и как она исчезала, буквально из рук, а он словно огромный сноп ржи падал на землю.

Колонны он увидел еще тогда, когда солнце только садилась, а подъехали к храму уже затемно. Их встретили два десятка женщин с зажженными факелами, в белоснежных туниках, и по их облику Конан понял, что среди них не одни только шемитки, а есть немало представительниц и других народов, даже из таких, как Вендия и Кхитай.

Конан подошел к коляске и решительно взял сверток с маттенсаи, Халана не возражала и это понравилось Конану.

- Так-то надежнее, - подумал он.

Халана куда-то ушла, а Конан в сопровождении трех жриц долго шел по каким-то переходам, поднимался по ступеням, опускался, пока его не привели в большую комнату, потолок которой светился мягким, матовым светом, словно далекое солнце сквозь потертую тонкой песчаной пылью, окно. Комната была убрана. На стенах висели ковры с изображением различных зверей и птиц такой тонкой работы, что все они казались живыми, Посредине комнаты стоял тяжелый стол на изящно выгнутых ножках наподобие слоновых хоботов, вокруг такие же массивные стулья из резного дерева.

У самой стены большая кровать с взбитыми подушками, и

еще он заметил дверь, как потом оказалось, ведущую в бассейн и туалет. Конану приходилось бывать в покоях богатых людей и даже в королевских дворцах, там все кричало о роскоши, но там не было того, что он увидел здесь, и чему никак не мог найти определения, но роскоши в его понимании тут не было. И в то же время было нечто такое, что заставляло Конана почувствовать величие всего, что открылось его взору.

Потом, Халана скажет ему слово, которое определяло это величие, и в то же время простоту всего увиденного - искусство!

Жрицы еще перед входом в комнату оставили факелы, которыми они освещали дорогу сюда, и одна из них сказала Конану:

- Господин может располагаться в гостинице. Господину будет подан завтрак.

Они вышли, оставив его одного. Конан осмотрелся. Больше всего Конана смущал светящийся потолок. Решил, что это очередное колдовство, и мысленно воззвал к заступнику своему Крому:

- Вседержитель небес, куда я попал?

Но тут же вспомнил, что ему был обещан завтрак, и под ложечкой засосало от предвкушения еды. «Вот только б вино было хорошим», - подумал Конан и услышал, как в комнату кто-то вошел. Это была молодая женщина, судя по белокурым волосам и светлой коже - бритунка. Она подошла к Конану и, взяв его за руку, сказала:

- Мой господин, прежде чем приступить к ужину, не желаете ли принять ванну?

Конан хотел сначала есть, а уж потом и не прочь полежать

в теплой воде, но бритунка тянула его в сторону небольшой двери, которую заметил Конан.

- Ты кто? - спросил Конан, стараясь придать своему голосу мягкие тона. Конан, конечно, умел нашептывать в девичье ушко и ласковые слова, но для этого должны быть основания и, хотя девушка была в его вкусе, то есть достаточно упитанная и с соответствующими формами, он все же понимал, что находится в храме, а не в таверне.

- Я рабыня, имя мое Асара, - ответила девушка, опуская глаза.

Конан не очень удивился этому и в других храмах черную работу делали именно рабы и рабыни. Кстати сказать, положение рабынь в некоторых храмах Аквилона было намного лучше, чем жизнь свободных женщин. Конан не имел ничего против рабства, он только не мог согласиться с тем, что мог и сам быть рабом, да и был им, когда погибли его отец и мать. Конан был не против и того, чтобы ловкие руки Асары помыли его могучее тело в горячей, пенной воде. Асара, увидев Конана голым, удивленно подняла свои брови и прошептала:

- Я никогда не видала столь мощных мужчин.

И Конан гордо сказал:

- И не увидишь, я такой единственный на свете, а если ты прейдешь ко мне ночью, то в этом убедишься практически.

Женщина смутилась, но не ответила отказом, из чего Конан понял что, возможно, сегодня ночью кончится его месячный срок воздержания. Асара накинула на киммерийца халат, но он едва сходил на его могучей груди. Когда они вышли из ванной, на столе золотистой корочкой поблескивал бок зажаренного поросенка. Видимо,

Халана вспомнила его вздохи по жирной пище.

Поросенок был обложен овощами и фруктами и самое главное, на столе стоял большой стеклянный кувшин в котором, Конан определил по рубиновому цвету, было красное вино из Кироса.

Это была ночь любовных игр Конана. Утром он не обнаружил рядом с собой понимающую толк в этих играх бритунку.

Халана вошла в его комнату, не подавая вида, что ей известно, чем всю ночь занимался Конан. Следом вошли две девушки, видимо, так же рабыни, и принесли завтрак. Конан не заставил себя упрашивать, и съел жареного гуся с печеными яблоками и запил все это легким пивом. Халана молча сидела на низеньком диванчике и смотрела, как Конан ест. Конан ел с таким же азартом, с каким вступал в сражение. Он всегда, если что-то делал, то делал с азартом, с радостью, с увлечением и только безделье да длинные разговоры нагоняли на него скуку.

- Пойдем, - сказала Халана, - я покажу тебя «Мудрой», так мы зовем главную жрицу, и захвати с собой ветвь маттенсаи.

- Зачем? - настороженно спросил Конан.

Халана улыбнулась:

- Не бойся, мы не грабители. Ничего плохого мы не сделаем. «Мудрая» никогда не видела эту священную реликвию.

- Знаешь, Халана, - сказал Конан, - я передумал превращать ветку в зерно или во что-то иное. Может быть, то, что ты говорила - верно, но может быть, и нет.

- Возможно, этого не потребуется, Конан.

Сухо сказала Халана, обидевшись на подозрительность

киммерийца. Конан взял сверток, но сначала развернул его и убедился в сохранности маттенсаи, и еще он заметил, что новый побег дал два листочка.

- Удивительно! - подумал Конан. - Ветка, Кром знает, когда сорвана, а вот жива!

Грубое сердце варвара тянулось к живому, и хотя тут, в этом отдавал себе отчет Конан, не обошлось без волшебства, которое он не любил, но это было какое-то особое колдовство, и если бы Конан умел излагать свои мысли так, как это делают поэты то, наверное, он сказал бы - волшебство живое, как сама жизнь! Обычно, а он немало повидал на своем коротком веку колдовских предметов, они были мертвы и хотя, как рог Дагота внутри себя несли либо лед, либо багровое пламя, вспыхивающее и ослепляющее, но это была все-таки не жизнь, а лишь отблеск жизни богов и сил.

Ветка маттенсаи было ярко зеленой, как и полагается быть ветке земного дерева, к тому же, она росла!

Они вышли из комнаты, в которой провел ночь Конан с очаровательной рабыней, в коридор, и Халана сняла факел с вбитого в камень крюка. Конан пошел за ней, и опять удивился тому, что в комнате у него светящийся потолок который, кстати, сам собой почти притух, когда он лег с бритункой на широченную кровать, а в коридорах храма вечная тьма и факела. Он хотел, было, об этом спросить Халану, но та сама сказала ему:

- Храм находится в глубине скального массива, и потому сюда не поступают лучи солнца, а электрической энергии у нас мало.

Конан впервые услышал про такую энергию и подумал,

что это все связано с магией и колдовством, как это обычно бывает в храмах. Правда, от этого вопросов у него не стало меньше, но он решил придержать их до лучших времен.

Вскоре они вышли в коридор, слабо освещенный матовым светом, исходящим из потолка, и Халана потушила факел. На мгновение они остановились, пока Халана закрепляла потухший факел в специальной держалке в каменной стене коридора. После еще одного подъема по узкой каменной лестнице, они вышли в зал, залитый ярким, почти слепящим солнечным светом. Конан поглядел вверх в надежде увидеть голубое небо, но увидел только два ослепляющих луча, бьющих в зал из черноты мрака.

Халана провела Конана через этот зал, и они вошли в комнату, освещенную более мягко, но достаточно ярко, чтобы разглядеть её богатое убранство в деталях. Стены были отделаны резным деревом, и ноздри варвара ощутили запах сандала и кедра, словно он попал в мастерскую к столяру-краснодеревщику. Пол был выложен плитами разноцветного мрамора, и через всю комнату от двери, в которую он вошел вслед за Халаной, лежал толстый ковер с высоким ворсом, в котором по щиколотку утопал сапог киммерийца. В конце ковровой дорожки из эбенового дерева был сделан помост, на котором стояло кресло из гнутого дерева с высокой спинкой, покрытой черным лаком. Секрет этого лака является тайной жрецов из страны Офир.

Конан подошел к помосту и, несмотря на свой рост, принужден был задрать голову, чтобы встретиться взглядом с бездонно-голубыми глазами той, что сидела в кресле. Глаза и только глаза, вот и все что вначале мог видеть киммериец и

ничего кроме глаз. Они притягивали, нет - они втягивали в себя, и только могучая воля Конана могла противостоять им, и Конан перевел взгляд на черную мантию жрицы, на её украшенный рубинами белый пояс, завязанный как-то странно, не на талии, а под грудями.

Мягкий грудной голос раздался в зале, и Конан вздрогнул, поскольку ожидал услышать какой-нибудь скрипучий старческий голос, но никак не этот живой, столь сочный и богатый обертонами. Более того, Конан вздрогнул от того, что жрица заговорила с ним на его родном языке.

- Я так и знала, что у тебя сильная воля. Нет ничего удивительного в том, что боги избирают тебя. Как ты живешь, коваль? Помнишь ли мать свою Маев, или уже забыл? Помнишь ли отца своего, как он учил тебя закалять сталь? Или тот набег ваниров и «колесо страданий», в которое ты попал по воле богов, начисто отшибли твою память, а звуки чужой речи стали для тебя родными? Обернись и посмотри...

Конан, замороженный её речью, повернулся и увидел широкое и высокое окно. Снег, маленький мальчик идет на лыжах, а рядом с ним, с самодельным луком через спину идет женщина. И Конан понял, что это он и мать идут пострелять куропаток, и вспомнил, что в тот раз мать дала ему в руки лук, и он добыл свой первый трофей.

Картина сменилась другой.

Все тот же снег, но за окном шел бой. Он видит себя рядом с матерью, и на них идет в змееподобной кольчуге воин, и слышит опять проклятый звук: «Дуум... Дуум... Дуум»...

Он видит, как огромный меч, описав полукруг, падает на тело матери, а его сминают и вдавливают в снег, и разом все исчезло.

Это был не сонный дурман, навеянный слугами Мрака и Тьмы, как на поляне, а четкая и ясная картина. Конан увидел кусочек той правды жизни, которая отпечаталась в его памяти на всю жизнь. Там была ложь, разбавленная правдой лиц и голосов, а здесь то, что было на самом деле. Все тот же голос, мягкий и участливый спросил:

- Вспомнил?

Конан обернулся и, встретившись с глазами жрицы, ответил:

- Я этого никогда не забывал. Откуда ты, знаешь мою речь?

И он мысленно добавил: «Старая карга». И хотя оснований так думать у него не было, но он заранее предположил, что самая главная жрица в этом храме непременно должна быть старой.

- Может, ты и прав Конан, я - «старая карга», а может быть, и нет.

Киммериец смутился, и в голове пронеслось:

- Этого еще не хватает, чтобы мои мысли читали.

- Ничего страшного Конан. Все твои мысли написаны на твоем лице. Всего-то нужно только думать, что говоришь, и говорить что думаешь. Это не трудно.

И жрица тихонечко рассмеялась.

- Ты зря смущаешься, у гораздо большего числа людей мысли такие.. такие..

Она словно подбирала более точное слово и, наконец, сказала:

- Невкусные, что ли.

И добавила:

- На столько невкусные, что едва сдерживаешь позывы рвоты, гнева или омерзения. Не такое уж приятное дело - читать мысли других людей и, слава богам, что они решились после потопа избавить людей от муки читать мысли других. Посмотри, Конан - и с этими словами она встала и неувлимым движением сбросила с себя одежду, - такая уж я «старая карга»?

Перед Конаном стояла хрупкая девушка с торчащими сосками груди еще не знавших прикосновения к ним губ младенца. Стройные ноги сходились к треугольнику вьющихся черных волос. Конан поднял глаза на жрицу, и в его глазах - она прочла восхищение.

- Не правда ли, мое тело ничем не хуже того, которым ты наслаждался этой ночью? - затем неувлимым движением она надела на себя черное, широкого кроя платье, словно и не снимала его только что.

- Но ты, Конан, прав в другом, я действительно старая-престарая.

И опять тихо рассмеявшись, сказала:

- Может быть, я твоя прапрабабка, а ты мой праправнук?

Конан находился в полной растерянности. Жрица сошла с помоста и взяла за руку Конана, и тут киммериец увидел её глаза и понял, что в этих глазах скрыта такая пропасть времени, что, действительно, эти глаза увидели свет Митры за много десятилетий до того, как это же сделали глаза Конана.

- Что Конан, теперь ты понял, что мое тело давно уже не просит мужских ласк, хотя, думаю, еще способно

воспламенить страстью таких пылких любовников, как ты? И опять Конан не нашел что сказать и только переминался с ноги на ногу, недовольно сопя. Он не терпел таких, смущающих его душу ситуаций.

- Ну ладно, - сказала жрица, - пойдем в трапезную и там обсудим наши дела. Я просто хотела тебе показать, как обманывают нас глаза.

Она направилась через всю комнату к двери, которая как бы сливалась с общим фоном стены. Жрица повернула свои ладони к двери, и та открылась.

Трапезная, обставленная не столь торжественно как комната с тронем, как её мысленно назвал Конан, но и в ней чувствовалось рука мастера. Длинный стол и ряд резных стульев говорили о том, что за этим столом могли обедать человек сорок, а две двери красноречиво говорили о том, что обед, по всей вероятности, вносят через эти двери. В своих предположениях Конан не ошибся, правда, в трапезную внесли приборы на трех человек, а не на сорок.

- Так вот, - продолжила жрица начатую в тронном зале мысль. – Почти всю информацию (опять не знакомое слово для Конана!) человек получает от зрения, но ничто его так не обманывает, как глаза. Большинство приемов, так называемого колдовства, как раз и является самым настоящим обманом зрения. Создание иллюзии.. (и тут она поняла, что Конан её не понимает.) ах, да! Ну ладно, создание видимости, кажимости и есть доподлинное искусство нынешних магов. Большинство тайных книг и учений, есть ничто иное, как описание техники создания таких обманов зрения, а если к этому еще добавить обман слуха, осязания, запаха, то человеку можно как угодно

заморочить голову.

- Значит, ты меня обманула, когда.., - Конан опять смутился, но, пересилив смущение, спросил:

- Когда стояла голой?

- Не много, самую малость, только когда раздевалась и одевалась. По правде сказать, Конан, я действительно старая, но не карга, как изволил ты подумать обо мне. О женщинах так не следует думать, даже в том случае, если перед тобой твоя прапрабабка. И увидев, удивленное лицо Конана, сказала:

- Ну, чего ты на меня вытаращил свои глаза? Разве не могла быть у тебя прапрабабка?

И она рассказала ему удивительную историю о том, как в далекие времена...

- Да, Конан, люди воюют друг с другом и то, что случилось с тобой, не новость в наших суровых краях. Только меня по дороге на невольничий рынок отбили люди из Ландхаагген, а потом я попала к антархам. Так что ветка маттенсаи и обряд - смандангу мне известен.

Она дотронулась рукой до плеча Конана и заглянула ему в глаза:

- Уж не думаешь ли ты, что Халана случайно оказалась в той рыбацкой деревне и встретила с тобой и с Иава? В мире нет ничего случайного, и только наша неосведомленность о причинах и следствиях наполняет его случайностями. Впрочем - это и хорошо, поскольку знание самая тяжелая ноша, которую несет человек.

- А как же, - возразил Конан, - я немало встречал людей, о которых говорили, что они много знают, но не замечал, чтобы они сильно тяготились своим знанием?

- Грохот пустой бочки слышен далеко, а наполни её, и она перестанет грохотать. Люди воспринимают грохот за знание, на самом деле истинное знание в молчании.

Обед подходил к концу, и Конан мог пожалеть только о том, что к столу не подали ничего более крепкого, чем сок манго.

Они прошли в следующую комнату, где были расставлены мягкие кресла и низенькие диваны. Туда, служанка внесла подносы с соком, бокалы с кубиками наколотого льда, корзинки ягод. Халана все время молчала. Конану на мгновение показалось, что она исчезла, но она никуда не исчезала, а была все время с ними.

- Халана мне сказала, что хотела бы обучить тебя искусству ведения боя в остановленном времени, - жрица продолжила разговор с Конаном, расположившись в кресле напротив него, - но я думаю, что тебе это искусство не подойдет.

- Если для этого нужно быть трусом и иметь кроличье сердце... - начал было Конан, но его перебила жрица.

- Опять ты и прав, и не прав. Страх - древнее, можно сказать, самое древнее чувство, а значит, и самая древняя на земле сила. Силы, а не фокусы - вот что является предметом истинной магии, Конан. Эта сила есть в каждом человеке.

Увидев удивленные глаза Конана, жрица опять рассмеялась все тем же легким и не обидным смехом:

- Противоречие, милый ты мой правнук, и есть самое главное, что определяет истинное лицо мира. Погляди, разве диск Митры не спорит с диском Сомы? Разве правой руке не противостоит левая, а мечу не противостоит щит и броня? Разве вечному небу не противостоит мрак и холод Серых

равнин? Жизнь разве не противоречит смерти, а смерть жизни? И вместе с тем, все это - одно! Вопрос вовсе не в том, есть ли та или иная сила в человеке, а в том, овладел ли человек этой силой! Когда страх вырывается у трусливого человека, то этот страх парализует волю трусливого, и это преддверие его смерти. Когда сила страха подконтрольна человеку, она становится источником его мощи, и если хочешь знать, источником его отваги. В страхе за свое гнездышко перепелка бесстрашно уводит пса подальше от гнезда.

- Я не понимаю всего этого, - Конан развел руками, - может быть, оттого, что не испытывал страха. Гнев, ненависть - да! Но не страх!

И Конан гордо посмотрел на неё.

- Bravo, Конан! Я и не ожидала от тебя иного ответа, и вот что пришло мне в голову: не желаешь ли ты, ну скажем так, побороться с одной из наших жриц-воинов, а уж потом решим, нужно тебе наше воинское искусство, или нет?

Конану давно уже надоели эти заумные, как он считал, разговоры, и он непрочь был бы поразмяться, но он хорошо помнил свою схватку с Халаной и посмотрел на неё. Халана, улыбнувшись, сказала:

-Я ведь не воин и тогда сражалась с тобой из-за того, что испугалась за твою жизнь. Видение хотя и бесплотное, но могло убить тебя, а самое главное, мы потеряли бы ветку маттенсаи.

-Ну что ж, - подумал Конан, - отчего бы не попробовать? Зал, в который они пришли, был явно предназначен для тренировок: с потолка свисали толстые канаты, на полу лежали кожаные матрасы. Вдоль стен были расставлены

лестницы, разноуровневые вертушки с прибитыми к ним поперечинами, тяжелые кожаные мячи на пружинах, перекладины и множество деревянных мечей из железного дерева, боевых палиц и прочего инвентаря, знакомого Конану по гладиаторской школе. Несколько девушек в пестрых трико отрабатывали приемы рукопашного боя, и Конан, понимавший в этом толк, с интересом смотрел на их подкаты, кувырки и внезапные имитации ударов ногами в лицо, броски и захваты.

Жрица дала киммерийцу вволю насмотреться на тренировку, а потом несколько раз ударила в ладони.

- Внимание! - в зале все стихло, и девушки обернулись к ней, прекратив тренировку.

- У нас гость, киммериец Конан, и он хочет показать свою выучку в рукопашном бою. Ты, Анит, - жрица обратилась к девушке в синем трико с красной оторочкой по поясу, - должна показать свое искусство.

Девушки быстро сдвинули к стенам спортивный инвентарь и оставили на полу только большой кожаный матрас. Конан вышел на середину зала, и трудно было удержаться от вздоха восхищения, когда перед глазами предстала его мощная фигура. Тело его бугрилась мышцами и тугими веревками синих, пульсирующих жил. Напротив него, по другую сторону кожаного матраца, стояла золотоволосая, смугловатая девушка в синем трико, с перехваченными ремешком, волосами.

Конан снял с себя верхнюю одежду и остался в одних плавках с широким кожаным поясом, инкрустированным металлическими пластинками.

Киммериец подумал, что вся эта затея выглядит

нелепой, и он может нечаянно покалечить эту девушку, поэтому прозевал её стремительный бросок и получил сильный удар в плечо.

Другого бы он сшиб с ног или сломал бы ключицу, но Конан только крикнул от неожиданности, дав себе зарок впредь ртом мух не ловить. Но и второй, и третий, и четвертый удары были им пропущены, а все его попытки ухватить, поймать это разящее тело, оказались безуспешными.

С тем же усердием он мог бы ловить ртуть или струю воды в горном ручье. Девушка просачивалась между его рук, обжигая его своим телом, когда касалась Конана. Удары были столь чувствительны, что после одного, прямо в лоб, Конан упал, и волна ярости захлестнула киммерийца. Он взревел, словно раненый бык, и тут случилось то, чего с ним никогда не случалось. Ему показалось, что воздух в зале дрогнул, а девушка, стоящая напротив него, словно застыла, оледенела. Это было мгновение, но этим мгновением Конан воспользовался, как нельзя лучше. Он схватил девушку за волосы, накрутил их на кулак, а потом опрокинул её на матрас и наступил на грудь ногой. Лицо девушки исказила боль, и Конан ослабил нажим. И тут услышал возглас жрицы:

- Невероятно! Он остановил время!

Борьба была выиграна, и Конан, потирая ушибленные места, покинул зал под восхищенные взгляды девушек-воинов. Халана шла с ним, провожая его в гостевую комнату, и как прежде, несла в руках факел. Шли, молча, и Конану было неловко оттого, что так жестоко обошелся с Анит, бедняжку унесли подруги.

-Надеюсь» - думал Конан, - я не причинил ей большого

вреда.

И в слух, обращаясь к Халане, сказал, словно оправдываясь:

- Я никакого времени не останавливал, но уж очень разозлился, особенно тогда, когда она мне заехала в лоб, словно быку на асгалунской бойне.

Халана ничего не ответила ему, она словно вся выговорилась еще по дороге в храм. В отведенной ему комнате его встретила старая знакомая - бритунка Асара. Она смущенно потупила глаза, увидев рядом с Конаном Халану. Шемитка сказала Конану, что зайдет к нему завтра утром, и чтобы он не беспокоился о маттенсаи. Однако, Конан не хотел расставаться с Халаной, не получив разъяснений, и в особенности, насчет того, что говорила жрица.

- Слушай, Халана я так и не понял, почему она все время говорила о том, что я будто бы её правнук? Конечно, у каждого человека, есть отец и мать, а у тех свои - отец и мать, но даже если её история правдива, то еще не значит, что она моя прабабка, - выпалил Конан.

- Она всегда говорит правду, Конан, и все её истории правдивы, - ответила Халана ровным голосом.

- Разве ты не видел её глаза, её лицо?

Посмотри на себя в зеркало и посмотри на неё? Я это знала еще тогда, когда увидела тебя с Иава. Нужно совсем не иметь глаз, чтобы не видеть, насколько вы похожи.

И добавила:

- Но это еще ни о чем не говорит, она служит богу, а не людям.

Она запнулась и поправила себя:

- Впрочем, я не совсем права, «Мудрая» служа богу, служит людям. Вот почему ты можешь быть спокоен за ветку маттенсаи. «Мудрая» освободит тебя от данного тобой слова.

Но Конан запротестовал:

- Я никого не прошу, чтобы меня освобождали от данного мной слова, Кром вас всех заберите! Я привык принимать решения сам, и никто не принудит меня изменить его. И вовсе не нужно мне ваше хваленое искусство и, вообще, я не знаю, зачем сюда приперся! Может быть, в другом месте увидеть свою прабабку доставило бы мне радость, но не здесь и не при этих обстоятельствах!»

Обида душила Конана, он считал, что его воспринимают как мальчика и стараются уберечь от неприятностей. У него было такое чувство, словно его на колени посадила к себе мать, и начала его гладить по голове, и ему стало от этого сладко и больно, и что-то далекое и накрепко забытое просыпалось в нем и размягчало его железную волю.

Кто-то бы, но только не Конан, подумал:

- Так и расплакаться не долго.

Но Конан не знал слез. Бог Кром выжег их, еще тогда, когда он был рабом и сидел на цепи.

Конан заявил:

- Все, хватит! Завтра я уезжаю и непременно с веткой маттенсаи. Как-нибудь доберусь и без вашей помощи!

Халана посмотрела на него, и Конан увидел в её взгляде все ту же жалость к себе и это его взбесило.

- Не вздумайте мне мешать! - рявкнул он и сжал в кулак свои огромные ладони. И тут произошло то, что произошло в том гиблом месте, когда на Конана и Иава напали вампиры.

Вспыхнул яркий свет и холодный ветер ворвался в комнату. Конан сердцем почувствовал - это то, что пришло и спасло их от лесных вампиров. Тут Конан не мог ошибиться - это был сам Асвельн - огромная белая фигура, раздвинувшая все каменные стены комнаты, все многоэтажные своды храма, и Конан услышал его голос:

- Ветка священного дерева уже на родине и ты свободен от данного тобой слова.

На огромных, в полнеба ладонях Асвельна, Конан увидел хрупкую фигурку Мангельды. Она улыбалась ему и что-то говорила, а на второй ладони сидел Иава.

Он хитро подмигнул Конану своим карим глазом, а синий глаз шемита был полон любви, но он смотрел не на Конана.

Рядом с ним раздался вздох, но Конан все еще смотрел на Асвельна и Мангельду замороженным взором. И тут он увидел, что к Иаве протягиваются чьи-то руки, а Иава протягивает свои руки к ним, и вот мимо Конана промелькнула фигура Халаны, и он увидел, что она стоит на ладони Асвельна и обнимает Иава.

Облачная фигура бога стала отдаляться, а ладони его поднялись на такую высоту, что фигурки людей стали не больше букашек. Сверкнула молния, и дрогнули горы. Конан упал на колени и тут же вскочил, но комната приняла свой обычный вид, только в углу, сжавшись в комок, плакала Асара. Конан подошел к девушке, оторвал от её заплаканного лица руки и крепко поцеловал.

Он был свободен, и впереди его ждало сто дорог, но Конан еще не решил, по какой из них он пойдет.

1998 - 2004 годы

Литературно-художественное издание

Михаил Петрович Анохин

Ветка маттенсаи.

САМИЗДАТ.

Пр. Ленина 33 кв 63 г. Прокопьевск

Формат А 5

Гарнитура Calibri

Бумага офсетная N1

Тираж 50 экз.

Ст.63

о	ДОГОВОРНАЯ
к	50р. ЦЕНА

